

УДК 316.6-051(091)

DOI <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2019.30.26>

Социокультурная коммуникация в рамках крестьянской общины во второй половине XIX – начале XX в. (на примере Восточной Сибири)

Г. В. Оглезнева

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация. Социокультурная коммуникация в рамках крестьянской общины рассматривается с позиций междисциплинарного подхода. Процесс социокультурной коммуникации определяется как совокупность средств передачи социальной информации. В основе его характеристики (на примере крестьянской общины в Восточной Сибири) лежат теоретические положения культурологии о типах коммуникации, выделяемых по характеру субъектов, формам, уровням, а также о видах коммуникации (инновационная, ориентационная, стимуляционная, корреляционная). Для анализа проблемы используются общие положения социологии о цели коммуникации. В результате нового дискурса анализа исторических и этнографических источников, в основном уже введенных в оборот исследователями крестьянской общины, были сделаны выводы о том, что коммуникация в крестьянской общине протекала на уровне обыденной культуры, преобладала невербальная форма коммуникации в рамках личностно-группового общения. В общине присутствовали все основные виды коммуникации, однако наиболее значимыми были ориентационная и корреляционная. Определенное значение имела и стимуляционная коммуникация, поскольку ее целью, наряду с познавательной (распространение и приобретение новых знаний и умений), была и побудительная (стимулирование других людей к каким-либо действиям). Среди форм коммуникативного действия преобладали подражание и управление.

Ключевые слова: социокультурная коммуникация, крестьянская община, межпоколенное и внутрипоколенное общение, освоение культурных ценностей.

Для цитирования: Оглезнева Г. В. Социокультурная коммуникация в рамках крестьянской общины во второй половине XIX – начале XX в. (на примере Восточной Сибири) // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2019. Т. 30. С. 26–33. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2019.30.26>

Социокультурная коммуникация как процесс взаимодействия субъектов социокультурной деятельности с целью передачи или обмена информацией обеспечивает возможность формирования социальных связей, управления жизнедеятельностью людей, накопления и трансляции социального опыта. Коммуникация является неотъемлемой частью социокультурного процесса, но формы и способы коммуникации различались во времени и пространстве и имели как свои языки и другие знаковые системы, так и приемы и средства их использования.

Изучение социокультурной коммуникации в исторической ретроспективе помогает выявить ее механизмы, испытанные обществом, оценить их результативность и, может быть, использовать исторический опыт в современных условиях.

Современная культурология допускает рассмотрение каждого социального действия как коммуникативного, а культуру как цепочку коммуникативных взаимодействий различных структур. Представляется, что такой подход вполне правомерен для анализа традиционной культуры. Особую важность для исследования социокультурной коммуникации традиционного общества имеет община как культурная форма, представляющая собой вид коллективной самоорганизации.

Методологической основой анализа являются следующие положения теории социокультурной коммуникации:

1. Сутью социокультурной коммуникации выступает совокупность средств передачи социальной информации, что характерно в первую очередь для информационного общества, но было не менее важно и на этапе традиционного и индустриального общества.

2. Типы процессов социокультурной коммуникации могут быть классифицированы: по характеру субъектов коммуникации (межличностная, личностно-групповая, межгрупповая, межкультурная); по формам коммуникации (вербальная, невербальная); по уровням протекания коммуникации (на уровне обыденной культуры, в специализированных областях социокультурной практики, в контексте трансляции культурного опыта от специализированного опыта к обыденному и т. п.) [7, с. 186].

3. Социокультурная коммуникация бывает четырех основных видов: 1) инновационная, выражающаяся в приобщении субъектов культуры к новым формам знания и опыта; 2) ориентационная, помогающая субъектам культуры ориентироваться в окружающем их пространстве, инкультурирующая их в систему жизненных ориентаций, доминирующих в данное время; 3) стимуляционная, воздействующая на активность субъектов культуры, активизирующая их внутренние ресурсы; 4) корреляционная, помогающая уточнить отдельные параметры культурной деятельности, детализирующая и конкретизирующая более частные аспекты знаний, ориентаций и стимулов [8, с. 171].

Для исследования темы используются также положения общей теории коммуникации. Важно определение цели коммуникации: познавательная – распространение или приобретение новых знаний или умений; побудительная – стимулирование других людей к каким-либо действиям; экспрессивная – выражение или обретение определенных переживаний, эмоций. Для анализа процесса коммуникации будет применяться положение о формах коммуникативного действия – о подражании, диалоге, управлении.

Крестьянская община как важнейший элемент культурной среды в традиционном обществе продолжала оставаться субъектом социокультурной коммуникации и на начальном этапе модернизации российского общества. Поскольку процесс социокультурной коммуникации осуществляется посредством принятых на данный момент знаковых систем, приемов и средств их

использования, можно проследить формы трансляции культуры и выделить виды этого субъекта коммуницирования на материалах Восточной Сибири.

Процесс трансляции познавательной, художественной и нравственной культуры происходил в рамках внутриспоколенного и межпоколенного общения, в первую очередь в рамках крестьянской семьи, и являлся личностно-групповым. Формы передачи и содержание передаваемой информации зависели главным образом от возраста и пола участника коммуникации. В семье крестьянские дети приобретали трудовые навыки и знания, усваивая при этом и основные нравственные принципы. К таким принципам исследователи сибирской общины относят уважение к земледельческому труду вообще, в том числе и к чужому, представления о равном распределении возможностей при присвоении продуктов природы и равном распределении всего произведенного сообща, товарищескую помощь друг другу в беде на промыслах. В этом случае можно говорить об инновационной и ориентационной коммуникации.

Если приобретение знаний и нравственное воспитание шли рука об руку, поскольку «главная особенность народной системы нравственного формирования личности человека заключается в том, что в ней не было средств воздействия на людей, отличных от явлений самой жизни» [5, с. 95], то эстетическое воспитание имело некоторые особенности. В семье дети не только слышали первые песни и сказки, но нередко учились петь и рассказывать. Кроме влияния взрослых членов своей семьи, дети испытывали влияние и других взрослых членов сельской общины: старух и стариков-сказочников, женщин – хозяек изб для посиделок и др. Через них дети приобщались к различным жанрам художественного творчества, а также узнавали о событиях жизни вне селения от рассказчика, который побывал в солдатах, на приисках, на ярмарке, просто в городе. О роли песенниц в обучении пению свидетельствует известный этнограф Г. С. Виноградов: девочки собирались в избе, пряли и пели вслед за женщиной – хозяйкой избы. Шло прямое изучение песни: «Женщина пропоет несколько, те за ней, которая неладно поет – подладит» [4, с. 659]. Вероятно, более редким было обучение детей обрядам отдельно от взрослых. Тот же Виноградов зафиксировал в одном из сел Нижнеудинского уезда Иркутской губернии такой обычай: «В семик группа девочек от 5 до 10 лет во главе с баушкой Мартынихой поют под окнами «почастушки», им подают яйца. Обойдут всю улицу, потом на полянке в лесу все съедят и расходятся по домам» [3, с. 43–44]. В таких случаях можно говорить о подражании как форме коммуникации.

Значительную роль в трансляции культуры играло внутриспоколенное общение: в процессе игр, забав, театрализованных действий формировались и корректировались нравственные понятия и эстетические вкусы. Подростки имели свои, отличные от детских и приближенные к молодежным формам общения, вечерки с «игришками» и игровыми песнями. Известный исследователь и фольклорист А. А. Макаренко называет только пять дней, в которые ангарские подростки устраивали вечеринки (Иннокентьев день, Никола зимний и три дня, начиная со второго дня Рождества) [9, с. 246–

248]. Г. С. Виноградов, обосновывая специфику детской этнографии, писал: «Некоторые стороны детского быта вырабатываются мало того, что независимо от взрослых, но в результате противоборства со взрослыми...», имея в виду, что процесс «унаследования культуры» одним поколением от других не является прямолинейным [2, с. 141].

Самый активный период освоения культурных ценностей приходился на предбрачный возраст – наибольшее количество форм общения было именно у молодежи. И здесь можно говорить о преобладании внутр поколенного общения, самыми распространенными формами которого были вечерки и посиделки. Вечерки, т. е. собрания чисто увеселительные, без работы, претерпели, очевидно, больше изменений на протяжении второй половины XIX – начала XX в., чем посиделки (собрания с работой и увеселениями после ее выполнения). Информаторы Г. С. Виноградова в возрасте 50–70 лет, сравнивая вечерки 1913–1914 гг. с вечерами их молодости, замечали немало отличий: «Раньше музыки никакой не было, разве балалайка, гармонью редко видывали. Песни больше пели, под песни плясали... угощения не бывало, а на нынешних – угощение конфетами, орехами, стало принятым, бывает и водка; старинных песен поют мало, редко, их вытеснила частушка, романсы, заимствованные с граммофонных пластинок у местных купцов и батюшек» [3, с. 30]. Пользовались популярностью у молодежи театрализованные увеселения: маскировались на Покров, на Казанскую (22 октября), Святки, Крещение. Группами ходили по домам, пели, плясали, разыгрывали диалоги. Хороводы и так называемые полянки также сопровождались песнями, плясками, играми, хотя состав их был другим. Вероятно, только применительно к внутр поколенному общению можно говорить о такой форме коммуникации, как диалог.

Межпоколенное общение не исключалось и в чисто молодежных увеселениях: старики могли приходиться на вечерки, наблюдать, много взрослых присутствовало на уличных хороводах. Хотя прямого участия в них старшие не принимали, но могли высказывать оценочные суждения, так что трансляция культурной информации была не прямой. Особенно благоприятны для трансляции общекультурной информации были такие формы социокультурной коммуникации, как престольные праздники, свадьбы, другие праздничные трапезы, а также похороны. Специальные знания усваивались молодежью и в ходе коллективных сельскохозяйственных работ, на помочах, на охоте, рыбалке, других промыслах.

Интенсивность общения взрослых крестьян, самостоятельных хозяев была значительно меньше. Существовали различия в формах общения у мужчин и женщин, у представителей среднего и старшего возраста. Их общение, как правило, было направлено на решение хозяйственных и общественных дел (сходки, братчины, просто разговоры о текущих делах).

Таким образом, все члены сельской общины в той или иной степени участвовали в процессе трансляции культуры – как между поколениями, так и внутри их. Механизм трансляции был обусловлен хозяйственной и обще-

ственной жизнью крестьян, и потому изменения условий жизни вели к изменению форм передачи культурной традиции.

Изучая роль крестьянской общины в социокультурной коммуникации, важно определить степень освоения крестьянами традиционной культуры, т. е. ее результативность. Очевидно, что каждый человек является не только объектом воздействия культурной среды, но и субъектом культуры, так как он реализует собственную линию поведения. Таким образом, одни и те же формы культурного воздействия на личность могли приводить к различным результатам. Существовала значительная дифференциация по степени освоения познавательной и художественной культуры.

Круговорот крестьянской жизни, когда один и тот же порядок сельскохозяйственных работ и праздников повторялся из года в год в соответствии с природно-климатическими условиями и хозяйственной специализацией, фиксировался в народном календаре. Исследователи отмечают, что общие сведения из народного календаря были достоянием всех крестьян, но систематическими знаниями в этой области обладали лишь немногие. Эмпирические знания по сельскому хозяйству приобретались постепенно, в процессе работы и были жизненно необходимы. Сельская община различными способами помогала и контролировала приобретение соответствующих навыков. Одной из форм контроля было общественное мнение, которое высказывалось в процессе общественных работ (помочи, толоки, капустки) или совместных промыслов. Оценка навыков и умений распространялась не только на самого молодого работника, но на всю его семью. Таким образом, можно говорить о проявлении ориентационной, стимуляционной и корреляционной социокультурной коммуникации в рамках традиционной познавательной культуры.

Иначе проявлялся в традиционной крестьянской общине инновационный вид социокультурной коммуникации. Община не была заинтересована в поддержке нововведений в сельском хозяйстве, поскольку они пугали крестьян непредсказуемыми последствиями. Сами крестьяне инициативы в этом направлении не проявляли по тем же причинам. В своих воспоминаниях политический ссыльный П. К. Пешекеров замечает, что «крестьяне страшно консервативны и суеверны и самые, казалось, легкие и простые приемы для улучшения хозяйства ими игнорировались, несмотря на наш пример и агитацию»¹. Наглядное преимущество могло убедить сибирских крестьян, но это должен был быть многолетний пример такого же земледельца. И пример давали переселенцы, что постепенно привело к достаточно широкому применению современных сельскохозяйственных орудий сибирскими старожилами.

Коммуницирование в процессе освоения художественной культуры имело ряд особенностей. Несомненно, это была личностно-групповая коммуникация, так как включение во все возрастные формы общения было непременным условием социализации крестьянской молодежи. Мера освоения художественной культуры зависела как от личных способностей каждо-

¹ Рукописный отдел Института русской литературы (РО ИРЛИ). Р. V. К. 119. П. 5. № 14. Л. 64.

го коммуниканта, так и от изменения форм общения. Сохранность фольклорной культуры чаще всего обуславливается степенью ее привязки к обрядам. Если фольклор тесно связан с коллективной по своей природе системой обычаев и обрядов, в которой участник является и исполнителем, и слушателем, то он осваивается практически всеми, пока сохраняется обряд. Если фольклор не прикреплен непосредственно к определенной жизненной функции (песенная эпика, обрядовая лирика), то он быстрее утрачивается. Иначе говоря, там, где требовалось коллективное участие для достижения результата (например, сыграть свадьбу), можно говорить о значительной роли общины в процессе социокультурной коммуникации и ее стимуляционной разновидности.

Можно ли говорить об инновационном виде коммуникации в трансляции художественной культуры? – вопрос дискуссионный. Еще фольклористы и этнографы конца XIX–XX в. сомневались в творческих способностях сибиряков. А. А. Макаренко отмечал «заносный характер сибирской песни, что в известной степени мешало развитию собственного песенного творчества» [9, с. 39–40]. Однако отпечатки собственного творчества сибиряков, несомненно, отразились в частушках. Например, в 1912 г. в с. Залари Балаганского уезда Иркутской губернии от одного исполнителя-мужчины было записано 108 частушек². Именно этот песенный жанр имел наибольший коммуникативный потенциал: никто не будет петь частушки для себя, поскольку они носят по преимуществу сатирический характер. Известны даже соревнования исполнителей частушек – кто кого перепоеет. Распространенность этого жанра свидетельствует о том, что песенное творчество играло стимулирующую роль в социокультурной коммуникации.

Необходимость овладения нормами нравственности была жизненно важна для сельской общины. Повседневное поведение крестьянства должно было соответствовать традициям, которые охранялись общественным мнением. Член общины должен был или овладеть этими нормами, или подвергнуться осуждению, а то и прямому наказанию. Поэтому неудивительно, что у ленских крестьян, по наблюдению А. П. Щапова, мерой благосостояния «в их общинном умонастроении считается удовлетворение двух естественных потребностей: достаточного семейного жизненного обеспечения и желания общественного одобрения, общинной доброй славы за рабочую исправность и домовитость» [10, с. 280]. Однако в конце XIX – начале XX в. наблюдатели фиксировали постепенное изменение жизненных идеалов крестьян, усиление их индивидуализма. Н. М. Астырев даже сравнивал сибирского крестьянина с американцем, вечно ищущим своего «фарта» [1, с. 85]. Это свидетельствует о том, что прежние механизмы социальной коммуникации стали утрачивать свою эффективность под влиянием социально-экономических процессов. «Общение деревенских жителей все чаще выходило за узкие рамки семьи и общины, в ходе переселений и росте отходничества станови-

² Архив Географического Общества (АГО). Р. 59 (Иркутская губерния). Оп. 1. Д. 28. Л. 13.

лись более разнообразными и содержательными контакты с крестьянами других регионов, горожанами» [6, с. 272].

Таким образом, имеющиеся источники позволяют говорить о том, что коммуникация в крестьянской общине протекала на уровне обыденной культуры, преобладала невербальная форма коммуникации в рамках личностно-группового общения. В общине присутствовали все основные виды коммуникации, однако наиболее значимыми были ориентационная и корреляционная. Определенное значение имел и стимуляционный вид коммуникации, поскольку целью такой коммуникации, наряду с познавательной (распространение и приобретение новых знаний и умений), была и побудительная (стимулирование других людей к каким-либо действиям). Среди форм коммуникативного действия преобладали подражание и управление.

Список литературы

1. *Астырев Н. М.* На таежных прогалинах. Очерки жизни населения Восточной Сибири. М., 1891. 450 с.
2. *Виноградов Г. С.* Детский народный календарь // Этнография детства и русская народная культура в Сибири. М. : Вост. лит., 2009. С. 137–166.
3. *Виноградов Г. С.* Материалы для народного календаря. Иркутск, 1918. 45 с.
4. *Виноградов Г. С.* Народная педагогика // Этнография детства и русская народная культура в Сибири. М. : Вост. лит., 2009. С. 642–667.
5. *Громыко М. М.* Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М. : Наука, 1986. 277 с.
6. *Зверев В. А.* Люди детные: воспроизводство населения сибирской деревни в конце имперского периода. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2014. 278 с.
7. *Культурология. XX в. Словарь.* СПб. : Университетская книга, 1997. 640 с.
8. *Культурология / под ред. Ю. Н. Солонина, М. С. Кагана.* М. : Высшее образование, 2005. 566 с.
9. *Макаренко А. А.* Сибирский народный календарь в этнографическом отношении. Восточная Сибирь. Енисейская губерния. СПб., 1913. 293 с.
10. *Щапов А. П.* Сельская оседло-инородческая и русско-крестьянская община в Кудинско-Ленском крае // Щапов А. П. Собр. соч. Иркутск, 1937. Т. доп. С. 258–307.

The Sociocultural Communication within the Framework of a Peasant Community in the Second Half of the XIX – Early XX Century (Using an Example of Eastern Siberia)

G. V. Oglezneva

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. The sociocultural communication within the framework of the peasant community is considered on the basis of an interdisciplinary approach. The process of the sociocultural communication is defined as a combination of means of transmitting social information and the basis of its characteristics, as exemplified by a peasant community in Eastern Siberia. It gives theoretical provisions of cultural studies on the types of communication distinguished by the nature of subjects, forms, levels, and types of communication (innovative, orientational, stimulating correlation). To analyze the problem, general provisions of sociology on the purpose of communication are used. As a result of a new discourse on the analysis of historical and ethnographic sources, which were mainly already put into circulation by researchers of a peasant

community, it was concluded that communication in the peasant community proceeded at the level of everyday culture, the non-verbal form of communication prevailed within the framework of personal-group communication. All the main types of communication were present in the community, however, the most significant types were orientational and correlation. The stimulative type of communication was also of certain importance, since its purpose, along with the cognitive one (dissemination and acquisition of new knowledge and skills), was also motivating (stimulating other people to take any action). Among the forms of communicative action, imitation and control prevailed.

Keywords: sociocultural communication, peasant community, intergenerational and intergenerational communication, development of cultural values.

For citation: Oglezneva G.V. The Sociocultural Communication within the Framework of a Peasant Community in the Second Half of the XIX – Early XX Century (Using an Example of Eastern Siberia). *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2019, vol. 30, pp. 26-33. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2019.30.26> (in Russian)

References

1. Astyrev N.M. *Na taezhnyh progalinah Oчерki zhizni naselenija Vostochnoj Sibiri* [On the Taiga Gaps. Essays on the Life of the Population of Eastern Siberia]. Moscow, 1891, 450 p. (in Russian)
2. Vinogradov. Detskij narodnyj kalendar [Children's Folk Calendar]. *Etnografija detstva i russkaja narodnaja kultura v Sibiri* [Ethnography of Childhood and Russian Folk Culture in Siberia]. Moscow, Vostochnaya Literatura Publ., 2009, p. 137-166. (in Russian)
3. Vinogradov. Materialy dlja narodnogo kalendarja [Materials for the Folk Calendar]. Irkutsk, 1918, 45 p. (in Russian)
4. Vinogradov. Narodnaja pedagogika [Folk Pedagogy]. *Etnografija detstva i russkaja narodnaja kultura v Sibiri* [Ethnography of Childhood and Russian Folk Culture in Siberia]. Moscow, Vostochnaya Literatura Publ., 2009, p. 642-667. (in Russian)
5. Gromyko M.M. *Tradicionnye normy povedenija i formy obshhenija russkih krest'jan v XIX veke* [Traditional Norms of Behavior and Forms of Communication of Russian Peasants of the 19th century]. Moscow, Nauka Publ., 1986, 277 p. (in Russian)
6. Zverev V.A. *Ljudi detnye: vosproizvodstvo naselenija sibirskoj derevni v konce imper'skogo perioda* [People with Children: Population Reproduction of a Siberian village at the End of the Imperial Period]. Novosibirsk, Publishing House of NGPU, 2014, 278 p. (in Russian)
7. Kulturologija. *XX vek* [Culturology. XX century]. Vocabulary. Saint-Petersburg, University Book Publ., 1997, 640 p. (in Russian)
8. Solonina Yu.N., Kagan M.S. (eds.). *Kulturologija* [Culturology]. Moscow, Higher Education Publ., 2005, 556 p. (in Russian)
9. Makarenko A.A. *Sibirskij narodnyj kalendar v jetnograficheskom otnoshenii. Vostochnaja Sibir. Enisejskaja gubernija* [A Siberian Folk calendar in Ethnographic Terms. Eastern Siberia. Yenisei province]. Saint-Petersburg, 1913, 293 p. (in Russian)
10. Shhapov A.P. *Selskaja osedlo-inorodcheskaja i rusko-krest'janskaja obshhina v Kudinsko-Lenskom krae* [Rural Sedentary non-Russian (native) and Russian Peasant Community in the Kudinsko-Lensky region]. *Shchapov A.P. Sobr. soch.* [Collection of Essays]. Irkutsk, 1937, additional vol., pp. 258-307. (in Russian)

Оглезнева Галина Васильевна

кандидат исторических наук, доцент,
кафедра истории России
Иркутский государственный университет
Россия, 664003, г. Иркутск,
ул. К. Маркса, 1
тел.: 8(3952)24-05-22
e-mail: pta_999@mail.ru

Oglezneva Galina Vasilievna

Candidate of Sciences (History), Associate
Professor, Department of History of Russia
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003,
Russian Federation
tel.: 8(3952)24-05-22
e-mail: pta_999@mail.ru